

С. Ф. Дуров и др.). К примеру, в стихотворении М. Л. Михайлова «Странник» (1851): «Как тяжкий гнет над ровной степью / Лежит глубокий, смертный сон. / Тоскою смутной, словно цепью, / Окован путник...».

Таких отзывов приведено несколько. Их общая направленность довольно пессимистична: «Где ж силы те, где бодрость прежних лет? / Сгубила их неравная борьба; / И пустота, бесплодной жизни след, / Ждет неизбежная, как древняя судьба» (А. Н. Плещеев, «Странник», 1858).

Второе приложение «Баллада Рюккерта „Святой Христос чужого мальчика“ и история Достоевского „Мальчик у Христа на елке“» (S. 90–108) содержит грустную историю маленького мальчика-бродяжки, одинокого в огромном городе.

Наконец, третья посвящена кремации в Германии и в России (S. 108–130). Это приложение не имеет прямой связи с содержанием мо-

нографии, оно косвенно подтверждает резкую перемену в ритуалах похорон, совершенную в Советской России. По воспоминаниям К. И. Чуковского, «ни религия, ни поэзия или даже простая вежливость не украшают места сжигания» (S. 115).

Как сказано в предисловии к книге, автор вторгается в «terra incognita» — в историю восприятия поэзии Рюккерта в России. Материал собран обширный и разнообразный. «Изучение рецепции сочинений Рюккерта в России еще не окончено», — говорится в предисловии (S. 8). Сам Рюккерт, судя по его эпиграмме, отнесся скептически к судьбе своей поэзии в России: «Что мне понравилось в вас, поэты славянского мира, / Это — обрез золотой, вот что мне нравится в вас».

Рюккерт, конечно, ошибся, жизнь его поэтического наследия в русской литературе была большой и разнообразной, как о том свидетельствует обсуждаемая монография.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-263-264

© С. А. Дубровская

МУЗЫКА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ: КНИГА АМЕРИКАНСКОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬНИЦЫ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ*

Имя почетного профессора Принстонского университета Кэрил Эмерсон хорошо известно российским историкам русской литературы XIX–XX веков. Среди ее работ книги о Бахтине-прозаике и о «Борисе Годунове» А. С. Пушкина.¹ Статьи Эмерсон не раз появлялись на страницах «Вопросов литературы», «Нового литературного обозрения» и других изданий. Часть из них вошла в рецензируемую книгу.

Заглавие тома — «Очерки по русской литературной и музыкальной культуре», вышедшего в серии «Современная западная русисти-

ка», следует воспринимать скорее как метафору, поскольку палитра его жанров намного разнообразнее: в книге представлены очерки и статьи, эссе с элементами воспоминаний, несколько рецензий на монографии и сборники и даже краткие уведомления, размещавшиеся на программах оперных спектаклей. Такое жанровое многоголосие, возможно, и обеспечивает ту цельность образа русской литературы и музыки, который складывается в рецензируемых «очерках» и представляет собой итог работы исследовательницы за тридцать лет. Именно об этих десятилетиях непрерывного труда и говорит Эмерсон в предисловии, объясняя принципиальную «персоналистичность» своей авторской позиции: «Оглядываясь назад, я замечаю, что мои интересы развивались в большей степени в связи с „личностями“, чем в связи с теориями: скорее от сознания к сознанию, чем от приема к приему» (с. 14).

Подобный подход в полной мере отражается в структуре книги, определяемой характером включенных в нее научных сюжетов: от прояснения важнейших идей Бахтина в области этики, истории, теории культуры и прочтения русской классики с позиции «внеаходимости» до интерпретации диалога русских классиков с мировой литературой и анализа музыкальных решений великих композиторов.

* Эмерсон К. Очерки по русской литературной и музыкальной культуре / Пер. с англ. И. Буровой и А. Разина. СПб.: Academic Studies Press; БиблиоРосика, 2020. 559 с. (сер. «Современная западная русистика» = «Contemporary Western Rusistika»).

¹ Morson G. S., Emerson C. Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics. Stanford: Stanford University press, 1991; Emerson C. Boris Godunov: Transpositions of a Russian Theme. Bloomington: Indiana University Press, 1986. Эмерсон известна также как переводчик «Проблем поэтики Достоевского» М. М. Бахтина на английский язык: *Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's poetics* / Trans. by C. Emerson; introd. by W. Booth. Minneapolis: Minnesota University Press, 1984.

Обращаясь к российской аудитории и отмечая необычность своей книги, автор задает вопрос: «Могут ли собранные здесь работы дать что-то носителям этой культуры?» (с. 15). Свою задачу Эмерсон видит в том, чтобы привлечь внимание читателя к «тем деталям и привычным представлениям, которые, возможно, все видят, но не замечают — как это часто бывает дома» (с. 16). Подчеркнем, что простота этого тезиса обманчива, и свидетельством того, что Эмерсон готова говорить о самом сложном, становится первая часть рецензируемого издания, посвященная теории Бахтина. Отметим характерную для автора погруженность не только в историю литературной науки, но и в ее современное состояние. Если первую демонстрируют очерки, рассматривающие взаимоотношения Бахтина с советской наукой о литературе 1920-х годов, жизнь мыслителя в условиях последнего сталинского десятилетия и наступившей «оттепели», то вторую наглядно иллюстрирует детальный анализ многолетнего спора с Бахтиным М. Л. Гаспарова.

Очевидно, что для книги Бахтин становится ключевой фигурой, и сквозь «бахтинскую призму» рассматриваются если не все, то многие ее сюжеты. Вместе с Бахтиным Эмерсон смотрит на русскую классику и задается вопросами, адресованными прежде всего себе самой. «Недоумение как прием» — такое положение могло бы сопровождать название второго раздела «Парадоксы осмысления русской классики». Автор восстанавливает исследовательские контексты, желая разобраться в причинах стереотипизации того или иного образа, стремится деконструировать привычные с точки зрения русского читателя интерпретации. Особенно интересны размышления исследовательницы о тонких вариациях толстовского «сюжета об Анне» (с. 263) в рассказах А. П. Чехова, альтернативное устоявшемуся прочтению образа Татьяны, актуализация диалога Л. Н. Толстого с Шекспиром.

Представленные в разделе рецензии (на книги К. Степаняна, А. Вайман, сборник «Толстой о войне: искусство повествования и историческая правда в „Воине и мире“» и работы о «переводческих войнах») знакомят с практикой современного литературоведения. Эмерсон анализирует рождающиеся диалоги, выявляет потенциал заложенных в них смыслов, адресуя читателя к острым и вечным проблемам филологических наук.

Настоящей находкой автора является то, что она называет «музыкализацией» взгляда: сценические интерпретации, позволяющие исследователю «прочувствовать» литературную классику, использовать аналогии из области музыки для нюансировки смысла или образа.

«Музыкальный» способ проникновения в смыслы родился из личного опыта: «...через Мусоргского я начала „чувствовать“ Пушкина», — признается автор (с. 12). В третьем разделе книги Эмерсон, следуя за композиторами, размышляет над их диалогом с писателями. В поле ее внимания — метод изображения истории у М. П. Мусоргского и завершение пушкинской «Русалки» А. С. Даргомыжским, П. И. Чайковский как «непревзойденный мастер переложения на музыку повседневного опыта» (с. 402) и оперные эксперименты Д. Д. Шостаковича, способные «подорвать тиранию вербального знака» и рождающие «симфонированное слово» (с. 416). Не менее важно здесь и представление либретто как особой литературно-музыкальной формы, позволяющей услышать «тонкости, которые и не снились романам и даже не могут быть переданы средствами разговорной драмы» (с. 401).

Раздел демонстрирует еще один путь не только к пониманию вечных смыслов русской классики, но и к рефлексии над событиями сегодняшнего дня. В контексте американской трагедии 11 сентября 2001 года постановка «Войны и мира» С. С. Прокофьева в Метрополитен-опера приобрела совершенно новое звучание, превратившись в музыкальный нарратив не столько о далеком и почти забытом прошлом, сколько о настоящем.

Реалии культурной и музыкальной жизни сталинской эпохи оживают в главах заключительной части книги. Обращение Эмерсон к русской литературе 1930-х годов приводит ее к уникальной фигуре С. Кржижановского. Причем он интересует исследовательницу в первую очередь не как прозаик, а как критик, «мыслящий художник и театралный философ» (с. 521). Диалог историко-литературного и историко-музыкального нарративов сходится в точке пушкинского юбилея 1937 года. Примечательно, что Эмерсон стремится не только к восстановлению литературной и культурной справедливости, рассказывая о произведениях, перечеркнутых тогдашней цензурой, но демонстрирует таланты руководителя и режиссера, осуществив вместе со своими студентами постановку «Бориса Годунова» в 2007 году и «Евгения Онегина» в 2012-м.

Книга Эмерсон свидетельствует о высоком профессионализме современной американской славистики, о сохраняющемся в США интересе к выдающимся именам литературной и музыкальной классики. В диалоге автора с русской аудиторией рождаются новые интерпретации привычных образов, проводится переоценка устоявшихся мнений и — что самое важное — намечаются контуры дальнейших поисков.